

ПРАВОВОЕ ПРОСТРАНСТВО

Д. М. Евстифеев

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО КАК СРЕДСТВО РЕАЛИЗАЦИИ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫХ ИНТЕРЕСОВ

Поставленный в названии данной статьи вопрос требует теоретико-правовой интеграции сразу нескольких категорий, таких как социальный интерес, законный интерес, конституционное право как отрасль права, субъективное право, средство реализации и др. Начать исследование следует с определения понятий социального интереса, конституционного права, механизма их взаимодействия, а также средства реализации интереса.

Социальный интерес (от лат. *interest* — имеет значение, важно) в общетеоретическом понимании представляет собой реальную причину социальных действий, событий, свершений, стоящих за непосредственными побуждениями, мотивами, помыслами, идеями и т. д. участвующих в этих действиях индивидов, социальных групп, классов¹.

Конституционное право как отрасль права — это ведущая отрасль национального права, представляющая собой совокупность правовых норм, в которых закрепляются основы конституционного строя, основы взаимоотношений государства и личности, федеративное устройство и основы организации и деятельности органов государственной власти.

Механизм взаимодействия социального интереса и конституционного права заслуживает особого внимания. Традиционное понимание права как инструмента реализации интереса, наделение права служебной функцией осложняется тем, что для интереса право есть совершенно необходимый инструмент. Реализация кон-

---

ЕВСТИФЕЕВ ДЕНИС МИХАЙЛОВИЧ — аспирант кафедры конституционного права Уральской государственной юридической академии.

© Евстифеев Д. М., 2006

ституционного интереса без соответствующей конституционно-правовой регламентации невозможна. Более того, как справедливо отмечает А. В. Малько: «Правовые средства первоначально, на информационно-психологическом уровне, воздействуют на интересы»². Действительно, при наличии правовых средств у потенциального обладателя интереса может возникнуть желание воспользоваться ими для реализации своих интересов. Конституционное право и конституционно-правовой интерес не только закладывают фундамент конституционного правоотношения, они вместе проходят через это правоотношение, и даже по его завершении законный интерес обеспечивается защитой конституционного права. Сущность взаимоотношений интереса и конституционного права — партнерские отношения на паритетных началах.

Конституционно-правовые интересы — это отраслевая группа, в которую входят правовые интересы, обладающие рядом свойств, позволяющих не только точно определить их отраслевую принадлежность, но и избрать оптимальный, с точки зрения законности и целесообразности, правовой механизм их реализации. К таким свойствам относятся следующие:

1. Конституционно-правовой интерес — это всегда законный интерес. Данный общеправовой принцип сводится к нормативному признанию предмета (объекта) конституционно-правового интереса в качестве социальной ценности, наличию социально полезных целей субъекта интереса при реализации интереса и условий его реализации, а также обязательному соблюдению этих условий названным субъектом.

2. Конституционно-правовой интерес обладает отличительным признаком субъективности. Речь идет о неперенной принадлежности интереса субъекту, который в свою очередь входит в круг субъектов конституционного права.

3. Конституционно-правовой интерес обладает достаточно сложной внутренней структурой. Впрочем, в порядке первого приближения можно отметить ряд его основных элементов, таких как объект (предмет) интереса — материальное или нематериальное благо — та социальная ценность, которую субъект хочет реализовать (либо обладать ей). Следующий элемент — это субъект-обладатель интереса. Субъективная и объективная стороны — это тоже элементы интереса, показывающие внутреннюю и внешнюю связи субъекта с объектами интереса. Данные элементы (так же как и одноименные элементы состава преступления в теории уголовного права) должны присутствовать в полном составе, в противном случае рухнет вся структура конституционно-правового интереса.

4. Конституционно-правовой интерес имеет механизм реализации исключительно в конституционном законодательстве. Данное свойство позволяет практически безошибочно отграничить массив конституционно-правовых интересов от аналогичных категорий, имеющих принадлежность к другим отраслям права.

5. Конституционно-правовой интерес всегда возникает относительно объекта, являющегося конституционно-правовой ценностью. Реализация конституционно-правового интереса происходит неизменно посредством участия заинтересованного субъекта в конституционно-правовом отношении.

Исходя из сказанного, можно определить конституционно-правовой интерес как правовую категорию, представляющую собой состоявшуюся социальную необходимость субъекта в достижении объекта, являющегося конституционно-правовой ценностью, с использованием конституционно-правовых механизмов, посредством участия субъекта в конституционно-правовых отношениях.

Следует отметить, что систематическое подчеркивание конституционно-правовой принадлежности смежных категорий, встречающееся в данном определении, не случайно, так как конституционное право, имеющее двуединую природу, способно, в отличие от других отраслей права, обеспечивать реализацию гражданско-правовых, административно-правовых и иных интересов. Однако эта сфера взаимоотношений осталась за рамками данной статьи, так как требует собственного отдельного исследования. Таким образом, здесь конституционное право рассматривается как обычная отрасль права.

Понятие «средство» также достаточно многозначно. Его применение, равно как и применение категории интереса, не ограничивается какой-то отдельной отраслью науки, учебной дисциплины. Известны многие разновидности средств — транспортные, финансовые, бюджетные, электронные, виртуальные, технические, лекарственные и др. Многообразие их практического применения настолько велико, что каждый субъект, независимо от его социального, имущественного, возрастного положения, встречается с ними (а вернее, использует их) ежедневно. При этом сущность любого средства сводится к одной и той же — инструментальной — функции. Для того чтобы забить гвоздь, необходим молоток, для того чтобы приобрести определенное материальное благо, нужны финансовые средства. Телевидение, радио, Интернет — это те средства, с помощью которых осуществляется информирование заинтересованных субъектов. Конституционное право как регулятор общественных отношений и как любая другая отрасль права также не может обойтись без арсенала собственных средств регулирования общественных отношений, основная задача которых сводится к реализации законных интересов субъектов этих отношений.

В качестве рабочего варианта возьмем предложенное А. В. Малько и Н. И. Матузовым определение общеправовых средств как правовых явлений, выражающихся в инструментах (установлениях) и деяниях (технологии), с помощью которых удовлетворяются интересы субъектов права, обеспечивается достижение социально полезных целей³.

Самым используемым из существующих средств реализации как конституционно-правовых, так и иных интересов является право. В юриспруденции подавляющее большинство теоретиков признают право в качестве средства реализации интересов⁴, однако существуют различные варианты толкования и соотношения указанных категорий. Среди них различаются предлагаемое А. В. Малько и В. В. Субочевым⁵ и всецело принимаемое Е. В. Вавилиным⁶ понимание законного интереса и субъективного права в качестве средств реализации соответствующих социальных интересов. Другим вариантом является понимание интереса как сущностного момента субъективного права⁷. Многие теоретики придерживаются

и более традиционной схемы, по которой субъективное право является средством удовлетворения законных интересов⁸. Похожим, но очень отличающимся от этой схемы является видение категории субъективного права как средства защиты соответствующих отраслевых интересов.

Представляется возможным предложить концепцию, согласно которой следует принимать во внимание многозначность категории «право» и, так или иначе, рассматривать все возможные значения в качестве средств реализации интересов, в данном случае конституционно-правовых. Ее правильность, помимо доказанности, должна быть обеспечена и анализом вышеупомянутых концепций.

Изучая позиции А. В. Малько, В. В. Субочева, Е. В. Вавилина, можно увидеть, что они призывают к интеграции трех категорий: *социальный интерес, законный интерес, субъективное право*. При этом два последних элемента «...выступают своеобразными путями реализации социальных интересов и потребностей... И то и другое *средство* пользуется признанием и защитой со стороны государства»⁹. Налицо уровневое различие, в силу которого понятие конституционно-правового интереса схоже (но не идентично) с понятием социального интереса у указанных теоретиков. В то же время конституционно-правовой интерес не рассматривается учеными в качестве средства реализации социального интереса. Впрочем, спорить об истинном значении схожих понятий в данном случае нет смысла в силу упомянутого уровневого различия и в указанных границах значения права. Основной же недостаток этой концепции состоит в том, что ни один из теоретиков не рассмотрел в качестве средств реализации интересов (хотя бы в общетрасловом значении) все возможные значения права. А ведь этот момент немаловажен.

Исходя из сказанного, оказывается, что единственной концептуальной точкой зрения, не признающей право (в значении субъективного права) в качестве средства реализации интересов, является понимание законного интереса в качестве ведущего элемента субъективного права. Так, например, Е. А. Мотовиловкер, придерживаясь теории Р. Иеринга, указывает на ложность посылки «право — средство удовлетворения интереса», считая, что интерес существует в форме субъективного права. Аналогичного мнения придерживается и В. В. Хатуаева, утверждая, что «именно категория интереса рассматривается нами как составная часть субъективного права»¹⁰. К. Ю. Лебедева также полагает, что «...категория интереса лежит в основе всякого субъективного регулятивного материального гражданского права...»¹¹. Однако уже на уровне определений категорий «интерес» и «субъективное право», предложенных в литературе, становится понятно, что природа этих категорий сильно различается. Е. Я. Мотовиловкер, утверждая, что право не является средством осуществления интересов, а интерес и субъективное право неразрывно связаны, указывает, что «...логика существования конкретного субъективного права есть логика существования реальной возможности определенной действительности... а осуществление интереса и есть та “действительность”, в которой существует субъективное право»¹². Исходя из этого, автор пишет, что «...если у лица в силу определенной ситуации возник интерес, который законом не признан и не охраняется, то оно реально не сможет его удовлетворить, ибо у него нет

соответствующего юридического права»¹³. Таким образом, ученый допускает возможность возникновения интереса в отсутствие у заинтересованного субъекта соответствующего права. В таком случае субъект, видимо, вынужден осуществлять мероприятия по изменению своего конституционно-правового статуса. В то же время субъективное конституционное право также способно существовать вне зависимости от наличия соответствующего интереса. Так, гражданин при соблюдении установленных законодательством условий имеет право создать с единомышленниками общественное объединение, выйти из гражданства Российской Федерации, однако до тех пор пока не возникнет соответствующий интерес это право использоваться не будет, как не будет утрачено этим субъектом из-за того, что не используется. Таким образом, существенных оснований для отказа от понимания права как средства реализации конституционно-правового интереса нет.

Существует еще одна концепция, согласно которой субъективное право является средством не удовлетворения (реализации, осуществления), а защиты интереса в любой отрасли права. Так, С. Н. Братусь пишет, что «субъективное право предоставляется для защиты интереса и поэтому интерес является целью, а не сущностью субъективного права»¹⁴. Но, во-первых, представляется целесообразным рассматривать все значения права, а не только право в его субъективном смысле. Вторая часть цитаты не вызывает возражений, отражает приведенную выше критику позиции Е. Я. Мотовилова, соответствуя общей концепции «субъективное право — правовое средство интереса». Во-вторых, вызывает сомнение допустимость понимания субъективного права как средства только защиты интереса. Обращаясь к словарю В. Даля¹⁵, можно увидеть, что слово «защищать» означает оберегать, охранять, оборонять, отстаивать, заступаться, не давать в обиду; закрывать, загораживать и т. д. Все эти значения в сочетании с позицией С. Н. Братуса наводят на мысль, что субъективное право используется лишь в случае некоторого внешнего посягательства на законные интересы соответствующего субъекта. Таким образом, замыкать значение субъективного права на функции защиты означает демонстрировать лишь негативно-коллизийную сторону института конституционно-правовых интересов. Это неверно, ибо субъективное конституционное право несравненно чаще используется как позитивное средство реализации таких интересов. Конечно, оно может и защитить соответствующий конституционно-правовой интерес, но только при наличии указанного внешнего воздействия. Таким образом, позиция С. Н. Братуса выглядит верной лишь отчасти, являясь существенно зауженной. То же самое касается и мнения Д. М. Чечота, считающего что «субъективное право создается в целях защиты того интереса, который появился в общественной жизни и был признан законодателем»¹⁶. Достаточно конструктивно опровергает позиции указанных авторов Е. А. Крашенинников, который тоже полагает, что «все субъективные гражданские права являются средством удовлетворения законных интересов»¹⁷.

На основе вышесказанного можно сделать два промежуточных вывода. Во-первых, конституционное право, безусловно, является средством удовлетворения (осуществления, реализации) конституционно-правового интереса. И во-вторых,

соглашаясь с тем, что субъективное право является средством удовлетворения или защиты интересов, важно понимать, что субъективное право является средством не только защиты и не только конституционно-правовых интересов. Таким образом, представляется верной лишь одна концепция, принимающая во внимание многозначность категории «право» и так или иначе рассматривающая все возможные его значения в качестве средств реализации, в том числе и защиты интересов. Но для подтверждения этой концепции необходимо обратиться к теории права.

В. М. Корельский и В. Д. Перевалов выделяют несколько значений категории «право». К первому его значению они относят «социально-правовые притязания людей, например, право человека на жизнь, право народов на самоопределение и т. п. Такие притязания обусловлены природой человека и считаются естественными правами»¹⁸. Как справедливо заметил И. А. Ильин, «это естественное, субъективное право принадлежит *каждому* человеку, как бы ни был он мал, болен или плох. Тайна одинокого бытия ненарушима, и никакой пронизательный диагноз не в состоянии обосновать квалификацию человека как существа, утратившего свое естественное право»¹⁹. Следуя этому утверждению, целесообразно разделить массив субъективных прав²⁰ на естественные и приобретенные (позитивные) права, полученные соответствующими субъектами в процессе жизнедеятельности. При этом данную классификацию с определенной долей условности можно применить не только к личности, но и к иным субъектам конституционных правоотношений, например, таким, как общественные объединения всех видов, в том числе и политические партии. Следует понимать и то, что интерес не является естественной категорией, ведь он обусловлен социальным элементом. Именно это не позволяет в принятых рамках рассматривать субъективное естественное право (право на жизнь, здоровье, благоприятную окружающую среду и др.) в качестве средства удовлетворения интереса. Скорее всего, его назначение ограничивается реализацией конституционно-правовой потребности.

Рассматривая естественное право поэлементно на предмет его соответствия общетеоретическому понятию права, приходится признать, что речь идет «не совсем о праве». Возникновение естественных прав у субъекта не зависит от его субъективного усмотрения, осознания этого права или волеизъявления на его приобретение, отсутствуют и какие-либо признаки диспозитивности. Все это идет вразрез с традиционным пониманием права, которому вышеуказанные признаки неизменно соответствуют. Они вкупе с признанием естественных прав со стороны государства, путем жесткой регламентации их в Основном законе, а также их динамическими свойствами, выражающимися в самостоятельной активизации в связи с наступлением определенного юридического события (как правило, это рождение человека или рождение организации), вынуждают отнести *естественное субъективное конституционное право* к категории предписывающих средств реализации и не интереса, а потребности. Скорее всего, такая разница формируется в силу категориальных различий между фундаментами естественного и позитивного субъективного права — биологической потребностью и социальным интересом.

Рассмотрев субъективное естественное право, следует обратить внимание на приобретенное (позитивное) право субъектов конституционно-правовых интересов. Эту разновидность субъективных прав также выделяют В. М. Корельский и В. Д. Перевалов, предлагая, однако, универсальное ее определение как официально признанной возможности, которой располагает физическое или юридическое лицо, организация²¹. А. В. Малько также предлагает универсальное для естественного и приобретенного субъективного права определение их как «...системы наличных прав и свобод субъектов, их конкретные правомочия, вытекающие из нормативных актов или принадлежащие им от рождения и зависящие в известных пределах от их воли и сознания, особенно в процессе использования». Однако такое определение является очень ценным для данного исследования как подтверждающее вышеизложенные тезисы о субъективном праве. Оптимальным определением субъективного приобретенного права является обеспеченная законом мера возможного поведения гражданина или организации, направленная на достижение цели, связанной с удовлетворением их интересов²² и, добавим, приобретенная в процессе жизнедеятельности субъекта.

В юридической литературе сложились различные мнения по определению структуры (содержания) субъективного права как средства реализации законных интересов. Так, Е. В. Вавилин выделяет следующие семь элементов субъективного гражданского права: 1) право лица собственными действиями или бездействием реализовывать гражданские права; 2) право требовать от других лиц соблюдения своего субъективного гражданского права; 3) возможность субъекта использовать предусмотренные законом способы и средства защиты своего права; 4) право на самозащиту; 5) возможность обратиться в третейский суд; 6) возможность обратиться за защитой в соответствующие государственные органы; 7) право обратиться в судебные органы всех видов и уровней, входящих в судебную систему Российской Федерации²³. Применительно к конституционно-правовым категориям представляется необходимым оставить лишь первые два элемента — это возможность лица своими действиями реализовывать свои интересы с помощью арсенала субъективных прав, а также право требовать от контрагентов в конституционно-правовых отношениях соблюдения указанных прав и обеспеченных ими конституционно-правовых интересов. Эта позиция основывается на том, что предлагаемые Е. В. Вавилиным элементы связаны с защитой субъективного права в форме самозащиты, защиты в административном и процессуальном порядках. Однако следуя общей теории конституционно-правового интереса, который, помимо всего прочего, подлежит реализации в порядке участия субъекта в конституционно-правовых отношениях, следует признать, что указанные Е. В. Вавилиным элементы этим критериям не соответствуют, реализуясь в рамках административного, гражданского и иных отраслей права. О. С. Иоффе, выступая против включения указанных элементов, пишет, что субъективное право не было бы правом, если бы его осуществление не обеспечивалось мерами государственного принуждения. Поэтому возможность прибегнуть в необходимых случаях к принудительной силе государственного аппарата существует не параллельно с другими зак-

репленными в субъективном праве возможностями, а свойственна им самим, так как без этого они не были бы юридическими возможностями²⁴. Кстати, Е. А. Крашенинников и С. В. Михайлов также считают, что в структуру субъективного гражданского права следует включать только эти два элемента²⁵.

Впрочем, исследуя законный интерес как общеправовую категорию, вариант содержания субъективных прав, предлагаемый Е. В. Вавилиным, был бы, наверное, оптимальным. Кстати, он существенно развивает предлагаемое Н. Г. Александровым, помимо двух указанных, «третье правомочие» — возможность прибегнуть в случае необходимости к принудительной силе государственного аппарата²⁶. На общетеоретическом уровне неплох и вариант структуры субъективного права, предлагаемой А. В. Малько и Н. И. Матузовым²⁷.

Теперь следует проанализировать категорию позитивного субъективного конституционного права на предмет ее отнесения к дозволительным либо предписывающим средствам. Помня о заложенном выше понятии субъективного права с изъятием блока естественных прав, можно утверждать, что использование субъективного конституционного права возможно лишь по инициативе заинтересованного субъекта. Это означает, что такое использование возможно только при осознании субъектом своих действий, рамок соответствующего субъективного права и наличии волевой направленности. Как справедливо заметила Л. А. Чеговадзе, осознание содержания и границ субъективного права является важным условием правомерного поведения²⁸.

Между тем нельзя обойти вниманием позицию И. В. Михайловского, который на основе одного наличия воли доказывает необходимость понимания субъективного права как средства реализации интереса. По его мнению, если сопоставить теорию внешней свободы как сущности субъективного права с теориями воли и интереса, то окажется, что обе последние могут быть примирены с первой: теория воли верна, поскольку осуществление субъективного права зависит от воли управомоченного, а теория интереса верна, поскольку субъективное право является средством для осуществления определенного интереса²⁹. Это умозаключение полностью применимо к теории конституционного права. Подобную позицию заняли и В. М. Корельский и В. Д. Перевалов, полагающие, что «право есть проявление не только интеллекта, но и воли людей, ибо в нем определяется их будущее поведение, с его помощью реализуются субъективные интересы и потребности...»³⁰.

Возвращаясь к характеристике субъективного конституционного права, нельзя не обратить внимание на наличие диспозитивности при его использовании заинтересованными субъектами, существующей в известных рамках, предусмотренных разрешительным типом правового регулирования, действующим в конституционном праве. Важно и то, что использование этого средства реализации конституционно-правовых интересов не обусловлено наличием государственного принуждения. Так, Е. В. Вавилин находит стык между диспозитивностью и отсутствием государственного принуждения, что дает возможность заинтересованному субъекту отказаться от реализации или даже защиты нарушенных прав, а стало

быть, и охраняемых законом интересов³¹. Кроме того, субъективное право является статичным средством, реализуемым, как уже было сказано, исключительно по инициативе субъектов. Впрочем, это не означает, что объективная сторона конституционно-правового интереса, реализуемого с помощью этого правового средства, не предполагает такой формы, как «деяние» субъекта в форме действия.

Все это позволяет заключить, что, во-первых, конституционное право является средством реализации конституционно-правовых интересов; во-вторых, категория субъективного конституционного права является сложносоставной, а ее элементы существенно различаются по своей правовой природе, а значит, рассматривать данную категорию как единую и неделимую нельзя.

Следующим значением права применительно к конституционно-правовым интересам становится понимание его в объективном смысле. Конституционное право в объективном смысле практически не рассматривается в литературе в качестве средства реализации конституционно-правовых интересов. Однако сама сущность объективного конституционного права с момента возникновения демонстрирует его инструментальную функцию, направленную на создание условий для их реализации. Это значит, что объективное конституционное право должно иметь безоговорочный приоритет в регулировании общественных отношений, иначе создание полноценного цивилизованного общества невозможно. Еще Аристотель и Платон, убеждаясь, что закон должен властвовать над всеми, видя в этом спасение всех человеческих благ, утверждали, что там, где отсутствует власть закона и он не имеет силы, нет места государству, оно близко к гибели³². И когда объективное право властвует, оно становится приоритетным средством реализации конституционно-правовых интересов.

Существующий сегодня приоритет конституционного права в регулировании общественных отношений позволяет согласиться с позицией В. И. Леушина о специфике современного развитого права, которая состоит в том, что в центре его находится отдельный человек с его интересами и потребностями, его свобода. Далее В. И. Леушин делает вывод о том, что право имеет общесоциальную сущность, служит интересам каждого человека, обеспечивает организованность, упорядоченность, стабильность и развитие социальных связей³³. Применительно к конституционному праву, а также с учетом многообразия заинтересованных субъектов конституционно-правовых отношений данный вывод доказывает, что конституционное право действительно способно выступить в качестве средства реализации конституционно-правовых интересов. Эту позицию занимают также А. В. Малько и Н. И. Матузов, утверждая, что «история и социальная практика убедительно показывают, что право может использоваться в различных целях как средство первоочередного удовлетворения потребностей тех или иных классовых, общественных, религиозных, национальных, расовых и других интересов»³⁴. Таким образом, существование такого инструмента реализации интересов представляет собой главный интерес общества и каждого отдельного индивида.

Оказывается, общетеоретическая многозначность категории «конституционное право» раскрывает еще и несколько механизмов реализации конституционно-

правовых интересов. Тожественны ли в этом смысле объективное и субъективное право? Очевидно, нет. Как же тогда они взаимодействуют?

Варианты ответов на этот вопрос предлагает С. Н. Кожевников³⁵. Так, согласно его концепции, конституционное право как объективная категория первично по отношению к субъективному конституционному праву, которое является вторичным, производным от первого. В определенной мере мысль справедлива. Действительно, объективное конституционное право возникает раньше субъективного права или конституционно-правовой обязанности, или даже естественного субъективного права. Подтверждением этого служит и высказывание Т. А. Аппаковой о том, что интерес воздействует на объективное право, предоставляющее субъектам правоотношений юридические средства для реализации интересов в этих правоотношениях³⁶. С другой стороны, следует понимать, что объективное право не способно напрямую формировать комплекс вторичных средств реализации конституционно-правовых интересов. На данной стадии обязательным посредником становится сложносоставной конституционно-правовой статус личности или иного субъекта конституционного права. Здесь он выступает в качестве фильтрующего барьера, четко отграничивающего допустимые средства реализации конституционно-правовых интересов (прежде всего, права и обязанности) от недопустимых по соответствующим критериям. Так одной из ячеек этого фильтра, выступающей компонентом конституционно-правового положения индивида, по мнению Н. В. Витрука (а всего он их выделяет шесть)³⁷, является правосубъектность. В то же время О. Е. Кутафин справедливо полагает, что «в конституционном праве объем правосубъектности физических лиц зависит в основном от трех факторов: возраста, состояния здоровья и принадлежности к российскому гражданству»³⁸. Поэтому соотношение объективного и субъективного конституционного права, объем правовых средств реализации конституционно-правовых интересов ставится в зависимость от каждого конкретного субъекта конституционно-правовых отношений, и установить этот объем — задача не из простых.

При этом надо сказать, что наличие некоторого арсенала правовых средств реализации конституционно-правовых интересов не означает их тотального использования заинтересованным субъектом. Следует принять во внимание то, что дозволительные средства являются статичными и используются лишь по инициативе заинтересованного субъекта, а значит, при наличии осознанного интереса и волеизъявления. С другой стороны, предписывающие средства являются динамичными и «запускаются» с момента свершения соответствующего юридического события. Впрочем, как уже говорилось, осознание интереса и волеизъявление как факультативные элементы возможны и здесь. Это означает, что посредничество между объективным и субъективным правом на стадии реализации конституционно-правового интереса расширяется на указанные компоненты в зависимости от групповой принадлежности используемого вторичного средства. В любом случае на стадии формирования арсенала вторичных средств на базе объективного права посредником всегда выступает конституционно-правовой статус личности, а на стадии использования соответствующего средства — дополнительный «инициативный» элемент.

Следующим компонентом концепции С. Н. Кожевникова является суждение о том, что объективное право фактически реализуется через субъективное право. Эта мысль с учетом изложенных выше особенностей взаимодействия указанных категорий верна. С другой стороны, в данном случае нельзя говорить о том, что первичное средство реализации конституционно-правовых интересов замыкается только на субъективном праве. Все прочие средства, известные теории конституционного права, общей теории права, должны использоваться здесь наряду с субъективным правом.

Третьим компонентом концепции С. Н. Кожевникова выступает та мысль, что объективное право не зависит от воли и сознания субъектов, действующих в сфере правовых отношений, а субъективное право предопределено в своей реализации их волей и сознанием. Этому же мнению придерживаются А. В. Малько и Н. И. Матузов, настаивая на том, что «объективное право объективно в том смысле, что оно не приурочено к конкретному субъекту и не связано с его волеизъявлением и личным усмотрением»³⁹. С одной стороны, эта позиция заслуживает одобрения. С другой, ее необходимо рассмотреть через призму теории конституционно-правового интереса, конституционного права. Выясняется, что определенный круг субъектов конституционно-правовых отношений может повлиять на формирование либо изменение норм объективного права. Речь идет о конституционно-правовом институте законодательного процесса на всех уровнях, который представляет собой синтез множества отдельных конституционно-правовых отношений, связанных с законотворческой деятельностью. Эти правоотношения возникают между депутатами Государственной думы и ответственным комитетом Государственной думы, между Государственной думой и Советом Федерации, Советом Федерации и Президентом Российской Федерации и т. д. Это означает, что все субъекты права законодательной и конституционной инициативы, предусмотренные ст. 104 и 134 Конституции РФ соответственно, а также иные субъекты, обладающие полномочиями по принятию или отмене правовых норм, способны изменять объективное право и использовать его в своих законных интересах, регламентированных соответствующими нормативными актами. Это признает и В. Г. Бессарабов, указывая, что «...сведение права к системе законодательства, отождествляющее право и закон, ограничивает объективную природу права положением об определенном субъективном на него влиянии»⁴⁰. При этом следует согласиться с его мнением о том, что объективное конституционное право не равнозначно конституционному законодательству, но общепринят факт, что законодательство входит в содержание конституционного права, а это в любом случае доказывает указанную возможную зависимость объективного конституционного права от воли и сознания специальных субъектов конституционно-правовых отношений, реализующих соответствующие интересы. Это корректирует позиции С. Н. Кожевникова, А. В. Малько и Н. И. Матузова.

С другой стороны, в результате исследования субъективного конституционного права как средства реализации конституционно-правового интереса было установлено, что субъективное право делится на естественное и позитивное субъек-

тивное право, причем наличие естественного субъективного права волей и сознанием заинтересованного субъекта не обусловлено. Как правильно утверждает В. Г. Бессарабов: «Эти права носят естественно-правовой характер, а поэтому неотъемлемы и неотчуждаемы. Они сохраняются за человеком даже тогда, когда он сам от них отказывается»⁴¹. Этот существенный момент не принят во внимание С. Н. Кожевниковым. В таком случае не вполне категоричной представляется и позиция А. В. Малько и Н. И. Матузова, утверждающих, что «субъективное — это не только принадлежащее субъекту, но и зависящее от него, а объективное — это не только не принадлежащее субъекту, но и не зависящее от него»⁴².

Исследованные свойства вынуждают характеризовать объективное право как совершенно особенное средство реализации конституционно-правовых интересов. Во-первых, оно первично и фундаментально. Во-вторых, его природа не позволяет отнести его к определенной группе правовых средств реализации интересов. Действительно, объективное право используется и подвергается влиянию как на основе субъективного усмотрения субъекта, так и без него. Его диспозитивность напрямую зависит от соответствующего вторичного средства. Инициатива также может исходить как от заинтересованного субъекта, так и от юридического события. Оно всегда обеспечивается государственным принуждением. Это означает, что объективное конституционное право сочетает в себе свойства предписывающего и дозвоительного средства, являясь универсальным средством реализации конституционно-правовых интересов.

Все вышесказанное не позволяет принять предложенные в литературе определения объективного права. У А. В. Малько и Н. И. Матузова⁴³ под правом в объективном смысле понимается только система юридических норм, что, согласимся с В. Г. Бессарабовым⁴⁴, ограничивает природу объективного права. С. Н. Кожевников⁴⁵ настаивает на том, что объективное право не зависит от воли и сознания субъектов. В связи с этим целесообразно предложить следующее адаптированное к данной теме определение объективного права, построенное на основе наиболее удачного определения категории, предложенного В. М. Корельским и В. Д. Переваловым. *Объективное право — это первичное, универсальное средство реализации конституционно-правовых интересов субъектов конституционно-правовых отношений, представляющее собой обусловленную природой человека и общества систему регулирования общественных отношений, которой присущи нормативность, формальная определенность в официальных источниках и обеспеченность возможностью государственного принуждения, функционирующую на дифференцированной основе субъективного усмотрения заинтересованных субъектов.*

¹ См.: Большая советская энциклопедия. 3-е изд. М., 1972. Т. 10. С. 319.

² Малько А. В. Субочев В. В. Законные интересы как правовая категория. СПб., 2004. С. 141.

³ См.: Теория государства и права: Учеб. для вузов / Отв. ред. Н. И. Матузов, А. В. Малько. М., 2004. С. 465.

⁴ См., напр.: *Сенников И. Е.* Законный интерес как форма выражения правовых возможностей (дозволений) и объект судебно-правовой защиты // *Право: теория и практика* [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.yurclub.ru/docs/pravo/1403/13.html>

⁵ См.: *Малько А. В., Субочев В. В.* Законные интересы как правовая категория. С. 90–110.

⁶ См.: *Вавилин Е. В.* Понятие и механизм осуществления гражданских прав и исполнения обязанностей // *Журн. рос. права.* 2004. № 5. С. 35.

⁷ См., напр.: *Хвостов В. М.* Система римского права: Учеб. для вузов. М., 1996. С. 59; *Венедиктов А. В.* Государственная социалистическая собственность. М., 1948; *Иоффе О. С.* Советское гражданское право: (Курс лекций). Л., 1958. Т. 1; *Толстой Ю. К.* К теории правоотношения. Л., 1959. С. 43–46.

⁸ См., напр.: *Власова А. В.* О соотношении субъективного гражданского права и интереса // *Изв. вузов. Правоведение.* 2004. № 3. С. 179–183; *Корельский В. М., Перевалов В. Д.* Теория государства и права: Учеб. для вузов. М., 1996. С. 228; *Михайлов С. В.* Категория интереса в российском гражданском праве. М., 2002. С. 95; *Чеговадзе Л. А.* Структура и состояние гражданского правоотношения. М., 2004. С. 116.

⁹ *Малько А. В., Субочев В. В.* Законные интересы как правовая категория. С. 90–91.

¹⁰ *Хатуяева В. В.* Сущность и юридическая природа диспозитивности в уголовном процессе // *Рос. следователь.* 2005. № 4.

¹¹ *Лебедева К. Ю.* Исковая давность в системе гражданско-правовых сроков: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2003. С. 6.

¹² *Мотовиловкер Е. Я.* Интерес как сущностный момент субъективного права: Цивилистический момент // *Правоведение.* 2003. № 4. С. 55.

¹³ Там же. С. 56.

¹⁴ *Братусь С. Н.* О соотношении гражданской правоспособности и субъективных гражданских прав // *Совет. государство и право.* 1949. № 8. С. 34.

¹⁵ *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1998. С. 189.

¹⁶ *Чечот Д. М.* Проблема защиты субъективных прав и интересов в порядке неисковых производств советского гражданского процесса: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Л., 1969. С. 10.

¹⁷ *Крашенинников Е. А.* Интерес и субъективное гражданское право // *Правоведение.* 2000. № 3. С. 141.

¹⁸ *Корельский В. М., Перевалов В. Д.* Теория государства и права. С. 223.

¹⁹ *Ильин И. А.* Общее учение о праве. М., 1994. С. 196.

²⁰ В литературе имеются перечни признаков, позволяющих отграничить субъективное право от смежных правовых категорий. См., напр.: *Кожевников С. Н.* Понимание права: разные теоретические аспекты // *Юрист.* 2004. № 11. С. 20.

²¹ См.: *Корельский В. М., Перевалов В. Д.* Теория государства и права. С. 224

²² См.: *Большой юридический словарь*, 2003 [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://pravo-slovar.narod.ru/s.htm>

²³ См.: *Вавилин Е. В.* Понятие и механизм осуществления гражданских прав и исполнения обязанностей // *Журн. рос. права.* 2004. № 5. С. 36.

²⁴ См.: *Иоффе О. С.* Советское гражданское право. С. 73.

²⁵ См.: *Крашенинников Е. А.* Интерес и субъективное гражданское право // *Правоведение.* 2000. № 3. С. 134; *Михайлов С. В.* Категория интереса в российском гражданском праве. М., 2002. С. 91.

²⁶ См.: *Александров Н. Г.* Законность и правоотношения в советском обществе. М., 1955. С. 108–109.

²⁷ См.: *Теория государства и права* / Отв. ред. Н. И. Матузов, А. В. Малько. С. 396.

²⁸ См.: *Чеговадзе Л. А.* Структура и содержание гражданского правоотношения. М., 2004. С. 116.

²⁹ См.: *Михайловский И. В.* Очерки философии права: В 2 т. Томск, 1914. Т. 1. С. 443.

³⁰ *Корельский В. М., Перевалов В. Д.* Теория государства и права. С. 228.

³¹ См.: *Вавилин Е. В.* Понятие и механизм осуществления гражданских прав и исполнения обязанностей. С. 37.

³² См.: *Бессарабов В. Г.* Понятие прав и свобод человека и гражданина // *Филос. науки.* 2002. № 4. С. 71–86.

³³ См.: *Теория государства и права: Учеб. для вузов / Отв. ред. В. Д. Перевалов.* М., 2004. С. 119.

³⁴ *Теория государства и права / Отв. ред. Н. И. Матузов, А. В. Малько.* С. 142.

³⁵ См.: *Кожеевников С. Н.* Понимание права: разные теоретические аспекты. С. 20–24.

³⁶ См.: *Аппакова Т. А.* Корпоративный спор как результат конфликта интересов в хозяйственном обществе // *Вестн. Высш. арбитражного суда Российской Федерации [Электрон. ресурс].* Режим доступа: <http://www.vestnik-vas.ru/news.asp?IDD=143>

³⁷ См.: *Витрук Н. В.* Основы теории правового положения личности в социалистическом обществе. М., 1979. С. 27–34.

³⁸ *Кутафин О. Е.* Предмет конституционного права. М., 2001. С. 329–335.

³⁹ См.: *Теория государства и права / Отв. ред. Н. И. Матузов, А. В. Малько.* С. 148–149.

⁴⁰ *Бессарабов В. Г.* Понятие прав и свобод человека и гражданина // *Филос. науки.* 2002. № 4. С. 73.

⁴¹ Там же. С. 75.

⁴² См.: *Теория государства и права / Отв. ред. Н. И. Матузов, А. В. Малько.* С. 148.

⁴³ См.: Там же. С. 149.

⁴⁴ См.: *Бессарабов В. Г.* Понятие прав и свобод человека и гражданина. С. 75.

⁴⁵ См.: *Кожеевников С. Н.* Понимание права: разные теоретические аспекты. С. 20.

А. С. Колмаков

ПРИМЕНЕНИЕ ПРЕЮДИЦИИ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ НАЛОГОВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Преюдиция представляет собой юридическое правило, согласно которому обстоятельства, установленные вступившим в законную силу приговором, признаются судом, прокурором, следователем, дознавателем без дополнительной проверки, если эти обстоятельства не вызывают сомнений у суда.

В отличие от ранее действовавшего Уголовно-процессуального кодекса (УК) новый не наделяет преюдициальной силой обстоятельства, установленные в ходе гражданского судопроизводства. Данная точка зрения законодателя вызывает обоснованные сомнения. Необходимо отметить, что гражданское судопроизводство предусматривает несколько способов разрешения гражданско-правового спора. К данным способам можно отнести отказ истца от иска, признание иска ответчиком, заключение мирового соглашения, а также принятие судом решения по делу. Каж-

---

КОЛМАКОВ АЛЕКСЕЙ СЕРГЕЕВИЧ — юрисконсульт, аспирант Уральской государственной юридической академии.

© Колмаков А. С., 2006